

УДК 320
ББК Ф 01

Н.С. Розов
г. Новосибирск

Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия

В статье выделены основные типы и характеристики войн во Всемирной истории, дано объяснение происхождения (генезиса) войны, динамики и тенденций изменения войн в мировой истории. Показано, что сущность войн следует соотносить с природой человека и природой сообществ как стремящихся к успеху. Опасность войн исчезнет только при прекращении стремления людей к успеху, то есть не исчезнет никогда. Войну порождает сама мирная жизнь, и прежде всего – мирный успех людей в достижении своего благополучия и незапланированные последствия такого успеха. Поскольку мы люди и стремимся к лучшему для себя, своих близких и соплеменников, война всегда рядом.

Ключевые слова: война, макросоциологический анализ, насилие, Всемирная история.

N. S. Rozov
Novosibirsk

The nature of war: the macrosociological analysis of essence and reasons of a Mass organized violence

The basic types and characteristics of wars in the World history are presented. The explanation of the origin (genesis) of war, the dynamics and tendencies of change of wars in world history is given. It is shown, that the essence of wars is intrinsic to the very human nature and the nature of communities as aspiring to success. Danger of wars will disappear only if aspiration of people to success is over, that is it will never disappear. War is generated by a peaceful life, first of all by peaceful success of people in achievement of their well-being and unplanned consequences of such success. As far as we are people, people who aspire to the best for ourselves, for our relatives, friends and co-citizens, a war is always nearby.

Key words: war, macrosociological analysis, violence, World history.

Внешнее определение войны

Зададим вначале внешнее определение войны, не претендующее на раскрытие ее сущности, но позволяющее отделить явления-войны от схожих с ними явлений-не-войн.

Война – это фаза социетального конфликта, в которой происходит организованное обоюдное массовое насилие (ряд боев) или разрушение, ведущееся двумя или более политическими сообществами или же коалициями таких сообществ.

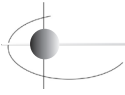
Пояснения здесь требует практически каждый признак.

Подведение войны под фазу конфликта приводит к замене труднообъяснимой жесткой границы война-мир на границу между мирными фазами и военной фазой некоего социетального конфликта как целостного явления.

Организованность здесь означает наличие связи и координации между боевыми единицами хотя бы на одной воюющей стороне, некую степень их подчинения руководящему органу. Если на другой стороне такой организованности нет, то такого рода войны могут называться партизанскими, «летучими», дисперсными и т. д. Неорганизованное насилие-разрушение с обеих сторон может представлять собой неупорядоченные стычки, перестрелки, серии акций возмездия, погромы и грабежи, но не войну.

Обоюдность означает, что поведение, направленное на насилие и разрушение, имеет место не с одной, а с каждой из противостоящих сторон. (Если в войне участвуют три и более независимых сообществ, то они, как правило, рано или поздно распадаются на две коалиции). Необоюдное массовое насилие может представлять собой избиение, геноцид, карательную экспедицию, аннексию, но не войну. Война непременно предполагает сопротивление.

Массовость может пониматься либо в относительном смысле – как некая пропорция количества индивидов, участвующих в насилии и разрушении, к величине населения задействованных сообществ (например, участвует более 1% взрослого мужского населения хотя бы одной стороны), либо в абсолютном смысле – как количество индивидов, превышающее некоторое фиксированное число (например, более 100 вооруженных бойцов хотя бы с одной стороны, либо не менее 1000 погибших в течение одного года). Пропорциональная версия удобна при анализе межплеменного насилия в догосударственных обществах, поскольку здесь может участвовать малое число бойцов (менее 100), но весомое в отношении к населению таких сообществ. Зато для современных больших обществ (с населением более 100 млн.) более



адекватным представляется понимание массовости в смысле абсолютного количества, а не пропорции. Единство рассмотрения требует и единства дефиниции. Примем версию массовости в смысле абсолютного количества, причем по двум критериям, соединенным конъюнктивно: не менее 100 бойцов, постоянно участвующих в боях хотя бы на одной стороне, и не менее 1000 погибших (как военных, так и гражданских лиц) в течение года. При этом межплеменное насилие с участием меньшего количества бойцов и/или с меньшим количеством погибших будет считаться не войной, но вооруженным конфликтом, стычкой и т. д. Откуда взялась цифра 100? Разумеется, она достаточно условна (ср. с «парадоксом кучи»). Мотивировка состоит в различительном характере организованности-неорганизованности. Отряды в 20-30 и даже в 60-80 бойцов могут действовать скоординированно на основе существующих (например, охотничьих) практик или систем отношений (в частности, родственных, клановых). Отряды в 150-200, тем более, 300-500 бойцов либо имеют самостоятельную, уже сугубо военную, организацию, либо действуют в целом неорганизованно.

Насилие – это применение физической силы людей к людям или же прямая угроза такого применения силы с целью принуждения. В таком расширительном смысле представленный пистолет к виску или нож к горлу в сочетании с принуждением (например, расстаться с кошельком или подписать документ) считается также насилием. Война и каждый бой предполагают наличие и использование средств насилия. Допустим, люди лишены средств насилия, иными словами, никак не вооружены. Тогда столкновения между ними будет скорее не боем, а дракой.

Под разрушением здесь понимается целенаправленное приведение в негодность любых элементов искусственной и естественной среды обитания сообщества (строений, дорог, сооружений, линий связи, полей, лесов, водоемов и проч.).

Политическое сообщество понимается здесь по М. Веберу как совокупность людей, имеющая следующие признаки: (1) есть занимаемая территория, (2) имеется способность применять физическую силу для господства на этой территории, (3) социальная деятельность не ограничена удовлетворением экономических потребностей, но направлена на более общее регулирование взаимоотношений между людьми, населяющими данную территорию [13, с.902].

Пестрый мир войны: разнообразие и динамика насилия во Всемирной истории

Особую сложность представляет фиксация явлений войны в связи с огромным разнообразием этой сферы исторической феноменологии. Будем говорить о макроявлениях, понимаемых как обобщения важнейших характеристик войн и военной сферы. Выделим следующие макроявления.

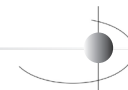
1. Повсеместность и (в общем случае) постоянное и нерегулярное возобновление войн; иными словами, войны происходили практически везде, где появлялись человеческие сообщества (возможно, при некоторой критической массе населения), войны возобновляются, то есть «вечный мир» не наступает ни в одном населенном регионе, вместе с тем, войны разражаются, как правило, нерегулярно (кроме случаев ежегодных завоевательных или колониальных кампаний); следует выявить сущность перманентного и практически повсеместного наличия средств насилия у сообществ, а также военных организаций, способных мобилизовать ресурсы. Также нужно раскрыть природу нерегулярно возникающей решимости конфликтующих сообществ сражаться.

2. Разнообразие войн по множеству параметров, из которых выделим количество участников (от сотен индивидов в межплеменных войнах и до миллионов в мировых войнах XX в.), по длительности (от нескольких дней до десятков лет), по масштабам жертв (от практически бескровных войн до войн с массовыми жертвами, исчисляемыми миллионами), по масштабам разрушения (войны, ограничивающиеся маневрами боевых частей, и войны с ядерными ударами, на много лет делающие территорию непригодной для жизни). Требуется теоретическая типология войн, позволяющая специфицировать условия генезиса войн каждого типа.

3. Особенности общей исторической динамики войн, в том числе: а) явная корреляция милитаризации обществ с социальным и технологическим развитием; б) военные революции, приводящие к скачкообразному росту масштабов и интенсивности войн; в) разного рода циклы мира и войны, характера войн; г) легитимизация и делегитимизация войн в истории человечества.

Типология войн и объяснение их разнообразия

Войны как весьма сложные социальные явления могут быть классифицированы и типологизированы по множеству параметров, и весьма сомнительно, что когда-либо будет найдена «естественная классификация» войн, подобная таблице Менделеева в химии или классифика-



ции видов в биологии. Наш интерес к генезису войн, соответственно, к причинным силам, вызывающим войны, требует создания типологии войн, ориентированной на выделение специфических причин возникновения войн каждого типа. Методологическим ориентиром служит принцип Э. Дюркгейма «одно явление — одна причина» [4, с. 142] или в более точной формулировке: явление определенного типа всегда вызывается одной причиной (одним комплексом причин), характерным именно для данного типа [см.: 8, с. 107-109].

Разумеется, типология войн должна быть результатом исследования их причин, но для такого исследования требуется начальная, эскизная типология, которую сейчас и представим.

Режимные (регулярные, рутинные) войны — войны, включенные в режимы жизнеобеспечения и самоорганизации хотя бы одного из воюющих сообществ, соответственно, они ведутся либо постоянно, либо возобновляются с постоянными промежутками (обычно как ежегодные летние кампании).

Все остальные войны являются нережимными (разовыми). Среди них выделяются преднамеренные (включающие сознательные невынужденные решения лидеров сообщества-инициатора и специальное заблаговременное планирование) и непреднамеренные (войны, являющиеся результатом не сознательного решения, но складывающихся обстоятельств, иными словами, это войны, «которых никто не хотел»).

Рассмотрим вначале основные типы преднамеренных войн. Разовые завоевательные войны — такие направленные на территориальный захват войны, которые ведутся интенсивно и более или менее непрерывно в течение определенного периода, включают дальние перемещения войск (часто в итоге — разовые крупные смещения территориального контроля) и требуют с каждой стороны мобилизации ресурсов, выходящей за рамки обычных режимов.

Рестаурационные войны направлены не на захват, но на удержание территории, либо на такую смену контроля над ней, которая обеспечивает воюющему сообществу большую безопасность, экономические, престижные или иные выгоды.

Преднамеренные сепаратистские (освободительные) войны, ведущиеся малым сообществом (провинцией или колонией) по отношению к сообществу-гегемону (империи, стране-метрополии, местному геополитическому доминанту) с целью установить самостоятельный контроль над соответствующей малой территорией или добиться установления новых

правил взаимодействия (прежде всего, в геоэкономическом и геополитическом плане).

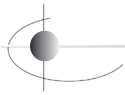
Непреднамеренные сепаратистские (освободительные) войны отличаются от только что рассмотренных отсутствием последнего признака. Они вспыхивают как результат эскалации конфликта между малым сообществом (во главе с местными лидерами) и сообществом-гегемоном (в лице местных имперских администраторов и центров силы).

Гражданские войны, подобно сепаратистским и рестаурационным, относятся к внутренним (внутри одного политического сообщества), но отличаются двумя признаками: во-первых, линия разделения между сторонами носит не столько этнический и территориальный, сколько политический характер, во-вторых, каждая сторона стремится к захвату контроля над всей территорией сообщества. Гражданские войны, вероятно, всегда носят непреднамеренный характер, иными словами, являются результатом не чьей-то сознательной цели и деятельности — «начать гражданскую войну», — но скорее результатом неудавшегося быстрого и полного захвата власти над территорией, неудавшейся рестаурационной войны и образования двух (или более) центров кристаллизации военных сил.

Вообще говоря, четкое деление войн на внешние (международные) и внутренние (сепаратистские-рестаурационные и гражданские) можно проводить только при наличии устоявшейся системы национальных государств (в Европе не ранее XVII в., а в мире не ранее 1960-х гг.). Большинство имперских и колониционных войн прошлого трудно однозначно отнести к внутренним или внешним. Поэтому данное деление хоть и используется в нашей типологии, но не является абсолютным и нуждается в оговорках.

Непреднамеренные внешние (международные) войны — это такие войны между ранее независимыми политическими сообществами, которых никто заранее не планировал и которые возникли вследствие неудержимой эскалации международного конфликта. Наиболее ярким и изученным примером здесь является Первая мировая война. Вьетнамская война, которую вели США, и Афганская война, которую вел СССР, также обладают признаками непреднамеренной войны, по крайней мере, в аспекте масштаба задействованных сил.

Объяснение некоторых параметров разнообразия войн на первый взгляд относительно просто. Масштаб войн (по количеству участников и по силе разрушений) определяется масштабом воюющих политических сообществ и мощно-



стью средств насилия. Длительность войны примерно пропорциональна величине имеющихся у сторон ресурсов, их готовности пожертвовать ресурсами для продолжения войны и победы в ней, а также обратно пропорциональна интенсивности военных действий (соответственно, скорости расходования ресурсов). Таким образом, «тлеющие» («позиционные», «окопные», «ползучие», «партизанские») войны могут продолжаться весьма долго (многие годы), тогда как «фронтальные» войны с широкой мобилизацией сил, использования обеими сторонами больших армий и эскалацией мощности взаимных ударов не могут длиться долго по простой причине быстрого истощения ресурсов хотя бы у одной воюющей стороны.

Нередкие аномалии (например, когда большие державы ограничиваются небольшими периферийными войнами) указывают на наличие особого причинного фактора, суть которого именно в готовности жертвовать тем или иным объемом ресурсов для победы над противником. Анализ такой готовности также требует рассмотрения динамики конфликтов и решимости сражаться (см. далее).

Происхождение агрессии и военных интересов

Рассмотрим наиболее распространенные источники агрессии и военных интересов в войнах основных выделенных типов.

В режимных войнах, возобновляющихся рутинным образом из года в год, уровень агрессии нападающей стороны может быть не особенно высоким. Иногда перед сражением бойцов приводят в должный уровень агрессивного возбуждения привычными средствами (барабанный бой и боевые марши, рассказы о зверствах врага и прочее). Агрессивность сообществ-жертвы прямо проистекает из страха перед чужеземными захватчиками и гнева на них как насильственных претендентов на могущество и ресурсы. Главную причинную силу в режимных войнах имеют интересы, а они, как правило, сочетают стремление к успешному завоеванию как средству повышения могущества и престижа со стороны правителей и военной элиты, честолюбие, стремление к наживе, иногда также – стремление к обретению престижной земельной собственности со стороны воинов. Как видим, экономическая функция режимных войн (постоянный приток ресурсов) не является единственной.

В преднамеренных завоевательных войнах агрессор обычно воодушевлен предвкушением плодов победы. Массовая агрессия может быть следствием социально-экономического дискомфорта, умело обращенного вовне. Таким

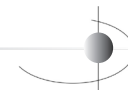
образом, агрессия к сообществу-жертве вызывается искусственно с помощью пропаганды, превращающей врага в «козла отпущения». Играющие важнейшую причинную роль интересы могут носить характер реваншистский (за возврат утерянного в прежних войнах), связанный с расширением могущества и престижа, ресурсный (рудники, нефть и прочее), геополитический (захват важных рубежей для большей собственной безопасности и/или большей уязвимости вероятных противников), геоэкономический (борьба за выход к морю и важным торговым путям, контроль над водными или энергетическими ресурсами), внутривнутриполитический, или «зиммелевский» (внешняя победа позволяет подавить внутреннюю фронду). Типичным случаем является, вероятно, сочетание нескольких интересов.

В реставрационных войнах каратель исполнен гнева на нарушителей порядка. При этом общество-жертва решается сражаться тогда, когда этот выход представляется меньшим злом, чем сдача без боя. Соответственно, здесь энергию поставляет тот же страх, но уже в форме боязни ожидаемого ущерба. Интерес сообщества-растворителя всегда направлен на восстановление могущества и престижа, на возмездие, иногда также – на достижение собственной большей безопасности (как в Американо-афганской войне 2001 г.).

В сепаратистских войнах стремящемуся к отделению сообществу дает энергию предвкушение будущей свободы и независимости, связанное также с агрессией по отношению к притеснителям и страхом наказания в случае поражения. Стремление к политической независимости – это фактически такое же стремление к завоеванию могущества, дающего свободный доступ к ресурсам территории, и обретению соответствующего престижа.

В гражданских войнах источники агрессии и интересов примерно те же, что и в реставрационных и сепаратистских войнах (могущество, ресурсы и престиж), но на субъективной уровне большую роль обычно играют социально-политические, идеологические и религиозные мотивы.

В случае непреднамеренных внешних войн энергию для решимости сражаться дает агрессия на обеих сторонах, вызванная наращиванием взаимных действий угроз и конфронтации. Ключевую роль, по-видимому, здесь играют интересы престижа, когда уступка или выход из игры рассматриваются как поражение, предательство по отношению к союзникам и «потеря лица». Когда конфликтные действия приобретают характер конфронтационных и состоят



в нанесении прямого ущерба с помощью силы, причем часто с символическим оскорблением, то для сохранения престижа требуется предпринять ответное действие как минимум не с меньшим материальным и символическим ущербом. Высокий уровень агрессии обычно ведет к наращиванию взаимного ущерба, прежде всего, символического, и создается ситуация, когда другого выхода, чем мобилизация сил и открытые военные действия, уже не остается.

Рассмотрим полученное разнообразие интересов, ведущих к войне:

- увеличение или сохранение могущества;
- захват или сохранение ресурсов;
- повышение или сохранение престижа;
- сохранение или увеличение безопасности (фактически, стремление к безопасности — это стремление надежно защитить имеющийся уровень обладания могуществом, ресурсами и престижем);
- реванш (возврат могущества и ресурсов) обычно имеет мощную подпитку со стороны мотивов восстановления внутреннего и внешнего престижа;
- отделение (фактически – захват некой порции могущества, ресурсов и престижа);
- получение доступа к морю и торговым путям (частный путь к обретению больших ресурсов, но также могущества и престижа);
- попытка посредством внешней войны решить внутренние конфликты (утверждение внутреннего могущества и престижа за счет повышения внешнего престижа).

Ближайшее рассмотрение причин агрессии (индивидуальной – у лидеров, групповой — среди элиты, массовой – среди воинства и гражданского населения) приводит к понятию фрустрации как тяжелого эмоционального переживания какой-либо потери, угрозы или оскорбления. Опять же основные потери и угрозы связаны с ресурсами, могуществом и безопасностью, а оскорбления – с престижем. Возможно накопление массовой агрессии вследствие сочетания хронического недоедания, сексуальной абстиненции, антисанитарии, скученности людей с умелым пропагандистским направлением гнева на врага. Здесь глубинными причинами служат недостаток ресурсов (часто вследствие демографического давления) и/или крайне неравномерное их распределение.

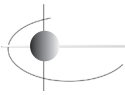
Итак, в самых разных типах войн выявлены три универсалии, лежащие в корне агрессии и военных интересов: стремление к могуществу, доступу к ресурсам и престижу. За стремлением к ресурсам («жаждой наживы») могут стоять демографическое давление и социально-экономическая неравномерность

распределения. Однако «жажда наживы» нередко возникает и среди вполне обеспеченных групп, причем особенно часто вследствие состязательных мотивов («у нас будет столько же или больше, чем у вас»); здесь, по всей видимости, корневым интересом выступает опять-таки стремление к престижу и утверждению могущества.

Заметим также, что стремление сохранить могущество, ресурсы или престиж служит одной из причин войны только в тех ситуациях, когда возникает прямая угроза их потери вследствие действий внешнего агрессора, внутреннего сепаратиста или политической фронды. Соответственно, мы должны сосредоточить внимание на причинах, вызывающих поведение того или иного политического сообщества (его лидеров, элиты и населения), которое приводит к ущербу или угрозам сохранению могущества, ресурсов и престижа сообществом-противником.

Стимулами к такому поведению, как показано выше, являются, в конце концов, подобные же мотивы увеличения могущества, обретения новых ресурсов и повышения престижа, но только со стороны других сообществ и их элит. Весьма существенно, что обретение ресурсов и престижа вовсе не обязательно ведет к потерям ресурсов и престижа какой-либо другой стороной. Ресурсы часто, хоть и не всегда, можно получать через обмен (торговлю), через создание новых технологий и организацию соответствующего производства. Престиж можно повышать не обязательно через понижение престижа соперника, но также через великодушную помощь ему. В принципе, развитие дипломатической цивилизованности в качестве своего стержня имеет технологии сохранения престижа всех участников взаимодействий в весьма широком круге ситуаций. Иное дело – могущество, борьба за которое, по-видимому, действительно представляет собой игру с нулевой суммой: обретение большего могущества над некоторой территорией означает такое же уменьшение могущества соперника. С этим связано и то обстоятельство, что борьба за территорию как ресурс и предмет престижа также является игрой с нулевой суммой.

Теперь обратимся к причинам стремления политических сообществ расширить территорию. Вообще говоря, расширение могущества путем территориальных приобретений, скорее всего, является универсальным стремлением политических сообществ. Объяснения требуют случаи отсутствия такого стремления, а не его присутствия. Политические сообщества воздерживаются от попыток расширить территорию в двух основных случаях: во-первых, ког-



да трудности и издержки контроля, особенно за отдаленными и труднодоступными землями, превышают выгоды от территориального приобретения, во-вторых, когда ожидается политическое или военное сопротивление, предполагаемый ущерб от которого опять же превышает ожидаемые выгоды. Заметим, что здесь выгоды и ущерб вовсе не обязательно носят чисто материальный и экономический характер. Выгоды, например, могут быть геополитическими (захват важных плацдармов, высот, проливов и прочее), а ущерб может касаться могущества и престижа (если против агрессора выступает достаточно мощная коалиция с общей идеологией неприятия насильственных территориальных захватов).

Сила ресурсного голода, накопленных агрессивных чувств и стремления к расширению могущества может быть такова, что люди начинают попытки захвата новых территорий, будучи готовыми на весьма большие издержки. Таким образом, мир между державами, достаточно сильными для территориальных захватов, объясняется, прежде всего, балансом могущества, суть которого состоит в ожидаемом достаточно мощном противодействии попыткам захвата. В таком случае, причиной захватнических войн является, в первую очередь, отсутствие или нарушение баланса могущества, а также баланса агрессивных стремлений и сил противодействия. Отчего же происходит такое нарушение? Могущество складывается из чисто военной мощи (величина, уровень организации и вооружения армии), мобилизационного потенциала, который определяется величиной населения и его богатством [6, 2000], а также величины и крепости коалиций. Соответственно, разный уровень прироста населения, разный экономический и дипломатический успех всегда ведут к новым дисбалансам. Дисбаланс должен достигнуть критического уровня, чтобы стала возможной война. Однако даже такой критический дисбаланс не приводит автоматически к войне: требуется еще либо построение агрессивных целей (для преднамеренной войны), либо эскалация конфликта и агрессивных настроений (для непреднамеренной войны). Первому варианту более всего способствует опыт прежних успешных войн, второму — накопленный дискомфорт и успех конфронтационной пропаганды.

Поскольку агрессорами бывают по большей части уже крупные державы, видимо, страсть к могуществу — тот аппетит, что приходит во время еды. Это указывает и на недостаточную субстанциональность данного стремления, которое оказывается функцией от других условий. Осла-

бление державы, распространение в мировом сообществе негативного отношения к агрессии могут умерить и действительно умеряют пыл захватчиков (примеры в Европе — Швеция с начала XVIII в., Австрия — после Первой мировой войны, Германия — после Второй). Сложнее дело обстоит с демографическим ростом и со «страстью к наживе». В отдельных странах может быть заторможен, остановлен или даже пущен вспять рост населения. Отдельные аскетически настроенные группы могут в течение многих поколений ограничивать потребление. Однако такие явления тонут в общих мощных тенденциях к росту населения, росту потребления, к миграциям, заполняющим местности с достаточными (местными или привозными) ресурсами, а также к расширению рынков. Миграциям и доступу к ресурсам всегда мешают политические границы. Именно эти границы и приводят к накоплению дисбалансов. Критический уровень таких дисбалансов приводит общество либо прямо к направленности на внешнюю агрессию, либо к политическому и идеологическому кризису, порождающему конкуренцию политических стратегий, среди которых закономерно выигрывают агрессивные.

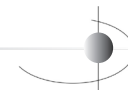
Иными словами, в краткосрочной перспективе и на поверхности явлений первую роль играет «вековечная и ненасытная страсть политиков к наращиванию могущества». Однако в долгосрочном и более глубоком субстанциональном плане демографические закономерности и неминуемо появляющиеся геоэкономические и социально-экономические дисбалансы представляют собой тот «котел», который вскипает время от времени пеной политических страстей, что, в свою очередь, порождает бурю войны.

Глубинные источники войны

Попробуем путем обобщения и онтологического осмысления полученных результатов приблизиться к более глубоким и общим причинам войны, связанным с ее природой и сущностью.

Сущность явления — то, благодаря чему явление происходит и остается самим собой, то, при исчезновении чего исчезает и само явление. Однотипные явления имеют одну сущность при разных поверхностных вариациях, зависящих от конкретных обстоятельств. Явления разных типов имеют разные сущности, но явления родственных типов имеют сущностные инварианты, которые можно считать более глубокими сущностями.

Отметим непосредственные причинные условия войны. Мы обнаружили, что войны разных типов имеют разные причины, однако, в этом разнообразии причин имеются следующие существенные инварианты.



1. Противоречие между интересами сторон, стремящихся увеличить или сохранить могущество, престиж и ресурсы, появляющееся при пересечении этих интересов на некотором спорном предмете (обычно, территории), причем реализация тех или иных интересов, как правило, зависит от того, кому принадлежит контроль над этой территорией; без данного условия сторонам незачем воевать друг с другом. Сюда же примыкает наличие или появление у сторон критического уровня мотивации, связанного с потребностями в сохранении или росте могущества, престижа или ресурсов и направленного на овладение контролем над спорной территорией.

2. Объективный или субъективный дисбаланс могущества; одно политическое сообщество или коалиция настолько сильнее (в реальности или в представлении лидеров и влиятельных групп) противника и его предполагаемых союзников, что издержки предполагаемой войны кажутся минимальными; такой дисбаланс порождает нежелание и отказ разрешить противоречие мирным путем; без этого (иными словами, в ситуации баланса могущества и ожидания сильного отпора) стороны воздерживаются от инициирования войны.

3. Высокий уровень агрессивных установок и настроений, отчуждения хотя бы с одной стороны; без этого признака солдат нелегко вести в бой, но только поначалу; вскоре сами потери и страх рождают требуемый уровень агрессии, важно только поддерживать направленность этой агрессии на противника.

4. Наличие с обеих сторон достаточных средств насилия и/или способностей к военной мобилизации для оказания вооруженного давления и сопротивления; без этого признака либо войну некому начать и вести, либо (когда таких средств и способностей нет только у одной стороны) вместо войны имеет место захват территории, иногда сопровождаемый геноцидом.

5. Слабость или отсутствие противодействия сообществу – инициатору войны – со стороны наиболее влиятельных (великих) держав или внешнего охватывающего порядка (международной системы безопасности). Это условие выполняется либо при отсутствии и слабости самого охватывающего порядка, либо при поддержке войны великими державами, образующими этот порядок.

6. Появление у сторон достаточного уровня решимости сражаться благодаря воздействию либо сильных интересов (реваншистских, геополитических, сепаратистских, реставрационных), снабженных разработанным планом военных действий, либо ряда фрустраций, вы-

званных эскалацией конфликтных действий и опасениями утратить престиж при отказе применять силу, либо страхом оказаться жертвой внезапного военного удара противника и стремлением упредить его своим ударом, либо субъективно тушиковой ситуацией, когда нет других способов защитить себя и свои важнейшие интересы кроме как с помощью вооруженной силы.

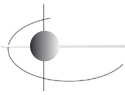
Наличие данных причинных условий представляется необходимым и достаточным набором условий для возникновения любой войны. Если данная гипотеза верна, то войны, несмотря на свое разнообразие, являются сущностно единым классом явлений.

Сопоставим войны с различием болезни и жара. Вряд ли субстанциональной сущностью войны («болезнью») можно считать выявленные условия, скорее это непосредственные условия возникновения явления войны («жара»), притом, что такие условия могут порождаться самыми разными сущностями более глубокого порядка (разными «болезнями»). Такое рассуждение приводит к онтологической гипотезе, имеющей эвристическое значение: следует искать разнородные автономные сущности, порождающие указанные выше общие условия появления войны.

Сферы причинной динамики войн

Попытки выделить четкие однозначные причины усиления выделенных факторов оказались безуспешными: слишком велико разнообразие. Однако достаточно явно выделяются три круга факторов (три динамические сферы), собственные механизмы которых приводят к такому усилению. Таковы круг факторов геополитики (геополитическая динамика), круг факторов геозкономики (геоэкономическая динамика) и круг социально-политических факторов (социально-политическая динамика в каждом из противостоящих сообществ).

К факторам геополитической динамики относятся, прежде всего, могущество держав, контроль над территориями, груз контроля (логистическая нагрузка), уязвимость территорий со стороны разных держав, интересы безопасности разных держав в отношении разных территорий, военный успех, престиж могущества, внешняя легитимность, геополитические ресурсы (население и богатство), уровень и величина вооружений и др. [ссм.: 6]. Как показали П. Диль и Г. Гоэрц, значимость спорной территории, а также ее смежность с основной территорией государства повышают вероятность военного насилия [см.: 3]. Во внешнеполитическом плане огромную роль играют альянсы, их структура, направленность и прочность. В



то же время, альянсы, как убедительно показал Сейом Браун, могут в разных условиях как препятствовать, так и способствовать возникновению войны [см.: 1]. В той же работе Брауна большого интереса заслуживает анализ того, какие типы международной системы связаны с большей или меньшей вероятностью войн. В частности, рассмотрим высказанную гипотезу о том, что оптимальной с точки зрения предотвращения войн является жесткая многополярность, когда мир разделен на несколько регионов, в каждом из которых имеется надежный геополитический альянс. При сопоставлении этой модели с ситуацией Американо-иракской войны, представим, какова бы была ситуация жесткой многополярности и помогло ли бы это предотвратить войну. Надежный геополитический альянс в регионе означал бы, что за Ирак вступились бы все его соседи: Саудовская Аравия, Иран, Турция, Пакистан, Сирия и Египет. Можно быть уверенным, что, несмотря на всю свою мощь, США не осмелились бы начинать войну с такой коалицией. В реальности же имеет место монополярность на фоне искусственно поддерживаемой полиархии разрозненных государств, каждое из которых имеет большую или меньшую зависимость от мирового лидера.

К факторам геоэкономической динамики относятся, прежде всего, геоэкономический статус страны (ядро, полупериферия, периферия), ресурсная зависимость и взаимозависимость между разными странами и территориями, интересы доступа к территориям, интересы безопасности торговых путей, отношение объемов производства между странами в разных отраслях, международной торговли [см.: 2; 5; 10; 11; 12].

К факторам социально-политической динамики относятся, прежде всего, уровень легитимности правящей группировки в каждой стране, уровень концентрации принудительной власти, уровень стабильности политического режима, количество, характер разделения и способ взаимодействия влиятельных политических групп, уровень неравенства, распространенность и влиятельность идеологий, их воинственность, массовые установки и настроения (в том числе агрессивные), наличие и характер опыта решения внутренних проблем внешней агрессией [см.: 5; 9].

Данные три круга факторов, прежде всего, ответственны за создание дисбалансов, напряжений и противоречий, ведущих к войнам. Обычно войны возникают при кумулятивном сочетании дисбалансов из разных динами-

ческих сфер. Тем не менее, можно выделить войны, имеющие преимущественно геополитические, геоэкономические и социально-политические причины.

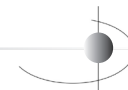
Также опосредованно влияют на возникновение войн еще три динамические сферы: ресурсно-технологическая, популяционная (демографически-миграционная) и экономическая (внутри каждого сообщества).

Возможность потребления тех или иных ресурсов прямо зависит от имеющихся технологий, а развитие технологий прямо зависит от доступных ресурсов. Доступ к ресурсам определяется геоэкономической и геополитической конфигурацией, соотносящей сообщества с географией. Интересы, связанные с контролем над территориями и соответствующим доступом к ресурсам, обычно противоречат интересам такого же рода, но со стороны другого сообщества. Так данная динамика связывается с геоэкономикой и геополитикой. Кроме того, развитие технологий тесно связано с развитием транспорта, вооружения, мирного производства, что соединяет данную сферу другими линиями с геоэкономикой и геополитикой, а также с национальными экономиками и внутренней социально-политической динамикой обществ.

Экономическая сфера достаточно хорошо изучена и в своих внутренних механизмах и в отношении к ресурсам и технологиям, к социально-политической сфере и геоэкономике. Связь геополитики и внутренней экономики каждой державы более опосредована и сложна (через богатство, способное быть конвертированным в военную силу, геоэкономике и геополитические ресурсы), но также может быть изучена.

Популяционная динамика детально исследована в науке демографии, особенно связь этой динамики с экономикой, технологическим и ресурсным обеспечением. Менее изучена связь демографии и миграций с геоэкономикой и геополитикой, но она, очевидно, весьма сильна. Экономический подъем ведет к демографическому росту и миграциям, миграции идут в соответствии с геоэкономическими и геополитическими конфигурациями и ведут к социально-политической напряженности, которая нередко приводит к геополитическим конфликтам. Кроме того, демографическое давление напрямую связано с социально-экономическим дискомфортом и ростом массовой агрессивности.

В каждом факторном круге есть одна или несколько переменных, отражающих милитогенные (увеличивающие вероятность войны) дисбалансы:



в геополитическом круге – дисбаланс могущества и дисбаланс уязвимости территории;

в геоэкономическом – противоречие геоэкономических интересов (за доступ к территориям и акваториям);

в экономическом – уровень социально-экономического дискомфорта;

в социально-политическом – уровень неравенства, социального конфликта и политического кризиса;

в демографически-миграционном – демографический дисбаланс в сочетании с политическими препятствиями миграциям;

в ресурсно-технологическом – дисбаланс уровня развития вооружений, острота дефицита специфических ресурсов.

Каждая факторная сфера связана с другими, но является и относительно автономной динамикой. В рамках каждой динамики естественным образом спорадически возникают и накапливаются дисбалансы, в том числе и милитогенные. Возникновение в трех ключевых сферах – геополитической, геоэкономической и социально-политической – милитогенных дисбалансов, которые усиливают друг друга, приводит к возникновению парной мегатенденции «лифт-колодец». Иными словами, взаимоусиление агрессии, отчуждения, противоречивости интересов, внутренней сплоченности в каждом сообществе («лифт») сочетается с взаимообусловленным падением международной толерантности, опасений военных потерь, интенсивности переговоров, культурных связей («колодец»).

Поставим еще два вопроса: чем вообще определяется динамика факторов в каждой выделенной сфере? Что, в принципе, приводит к критическим уровням вышеуказанных милитогенных факторов?

Ответить на первый вопрос достаточно сложно. Очевидно, что весьма общие потребности в безопасности и могуществе, в экономическом престиже и богатстве, в легитимности и престиже, в оправданности своего поведения и образа жизни, в ресурсах и технологиях, в доступе к ресурсам движут динамику геополитики, динамику геоэкономики и динамику социально-политической сферы.

Ответ на второй вопрос гораздо сложнее и требует специального изучения. В качестве общей гипотезы укажем на сочетание следующих объективных и субъективных условий.

Объективными условиями являются: 1) значительный успех хотя бы одной из сторон (например, политического сообщества) в удовлетворении указанных выше движущих потребностей, связанных всегда с могуществом,

богатством и престижем; 2) попадание в зависимость от факторов успеха (принцип Гудсблома); соответственно, 3) рост уязвимости сообщества по отношению к любому неблагоприятному изменению любого из этих факторов. Заметим, что в данном контексте любые кризисы (в том числе даже демографическое давление и голод) рассматриваются как долговременные следствия прошлых успехов и неудач в преодолении возникшей уязвимости.

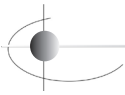
К субъективным условиям отнесем: 4) естественное стремление любого сообщества и его лидеров сохранить (или укрепить) уровень своего успеха и снизить уязвимость посредством каких-либо действий; 5) спектр вариантов таких действий, как правило, связанных с изменением силового контроля над территориями, в сознании лидеров и влиятельных групп; а также 6) восприятие этих действий другими сторонами, обладающими достаточной силой, как противоречащих их интересам.

Обращает на себя внимание обычный и во все невоенный характер первых четырех условий. Люди стремятся к безопасности, богатству, престижу и власти, достигают успеха и впадают в зависимость от факторов успеха, стремятся укрепить или вернуть успех. Критическими для возникновения войны являются последующие действия и их восприятие другими сторонами как враждебных. В рамках данной модели «вечный мир» возможен, только если в каждом случае борьбы за свой успех каждое политическое сообщество будет находить такие варианты действий, которые не будут восприниматься другими сообществами как враждебные или потенциально опасные. Большой вопрос, существуют ли в принципе такие варианты для всех возможных ситуаций, в которые могут попасть сообщества. Так или иначе, проблема возможности «вечного мира» здесь получает следующее непростое решение:

с одной стороны, «вечный мир» сам собой никогда не наступит (например, вследствие роста разума, культуры и миролюбия);

с другой стороны, войны не являются абсолютно неизбежными, поскольку в последовательности от успеха, уязвимости и кризиса к развязыванию войны имеется не автоматическое обусловливание, но опосредование возможностью поиска альтернативных действий, взаимодействий и образов ситуации, которые, в принципе, могут увести процесс от направленности к войне;

наконец, войны в будущем вероятны, причем, тем более вероятны, чем большего успеха в могуществе, богатстве и престиже добьются сообщества (поскольку больший успех ведет



к большей уязвимости, опасности кризиса и большему стремлению сделать что-либо во избежание последнего), и тем менее вероятны, чем большее распространение получит добрая воля (решать проблемы мирным путем) и чем большей изобретательности добьются сообщества в преодолении уязвимости и кризисов действиями, не ущемляющими интересы других сообществ.

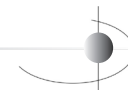
Будущий мир во многом зависит от доброй воли и творческой изобретательности политиков и дипломатов. Однако успех сообществ с сопутствующими уязвимостью и кризисами неуклонно подрывает добрую волю (собственное ставшее привычным благополучие почти всегда

важнее чужих неудобств и даже бедствий) и затрудняет нахождение невраждебных решений.

Таким образом, в самой своей глубине сущность войн следует соотносить с природой человека и природой сообществ как стремящихся к успеху. Опасность войн исчезнет только при прекращении стремления людей к успеху, то есть не исчезнет никогда.

Войну порождает сама мирная жизнь, и, прежде всего – мирный успех людей в достижении своего благополучия и незапланированные последствия такого успеха.

Поскольку мы люди и стремимся к лучшему для себя, своих ближних и соплеменников, война всегда рядом.



Библиографический список

1. Браун С. Структурные факторы войны // Война и геополитика. Альманах «Время мира» вып. 3. 2003.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. М., Прогресс, 1992. 752 с.
3. Диль П., Гоэрц Г. Территориальные изменения и вооруженный конфликт // Война и геополитика. Альманах «Время мира» вып. 3. 2003.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии [1895] // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., [1895] 1995.
5. Кик Э. Особенности миросистем и связи между внешними и внутренними войнами // Война и геополитика. Альманах «Время мира» вып. 3. 2003.
6. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира. 2000. Вып.1. С. 234 – 278.
7. Коллинз, 2003а: Коллинз Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация // Война и геополитика. Альманах «Время мира» вып. 3. 2003.
8. Разработка и апробация метода теоретической истории. Серия «Теоретическая история и макросоциология» (под. ред. Н.С.Розова). Выпуск 1. Новосибирск, Наука, 2001. 502 с.
9. Тернер Дж., Дольч Н. Классические положения геополитики и последствия войны // Война и геополитика. Альманах «Время мира» вып. 3. 2003.
10. Chase-Dunn, Christopher. Global Formation: Structures of The World-Economy. New York: Basil Blackwell, 1989. 266 p.
11. Chase-Dunn Christopher and Thomas Hall. Rise and Demise: Comparing World-Systems. HarpeCollins, Westview Press, 1997. 324 p.
12. Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System I. New York: Academic Press, 1974.
13. Weber, Max. [1922] Economy and Society. Ed. by Guenter Roth and Klaus Wittich. New York: Bedminster Press, 1968.